

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

ХХ $\frac{70}{7}$ 1924

КНИГА
ПЕРВАЯ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

822
802-11 XX 40
89 7

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (18)

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

пр. 24/5-35 г. М.

П. 2126.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Дикое сердце.

Артем Веселый.

ВЕТРОБОЙ.

×²₂

В огне броду нет.

1.

Радость гудит в Илько.

Шаг пружинит. Ноги веселы. С Фенькой шаг в шаг. Тук-тук. Внизу море в реве, в фырке. Молнья рвет ночь. Ветер рвет грудь. Кровь мчит в Илько, мчит кровь.

Где ж?

Сюда! Скорей!

Торопится тропа. Галькой закипела тропа. Собака гагавкнула.

Смигнул огонек. Дымком пахнуло. Пинком в калитку. С козла через порог.

Здорово, Степан!

Хлеб, да соль.

Милости просим.

Блюдо, рыбы кости, ложка в сторону двинуты. На столе вытертая веслом лапа Степанова. С лапоть лапа.

Садитесь, товарищи. Что хорошего скажете?

Оба:

Ехать надо.

Торопимся во...

Перебросишь нас в плавни.

Помни уговор, Степан.

Огонь качнулся. Степан качнулся. Ветер раскачивает хату. Дует в пазы.

По стенам сети переливаются. Скула у Степана сизая, литая. А глаз с рябью. Зыбкие глаза, как сети.

Буря злючая, а то б...

Ты не едешь?

Дай ялик нам...

Фенька когтит его плечо.

И паруса.

Разя у меня ялики? Корята. По тихой воде
на них боязно.

Все равно.

Слышь?

Ветер толкает хату. Тоненько цвзякают стекла. Стучит кровь. Дробен,
смутен Степан. Неторопливые слова вяжет в тугие узлы.

Переждать ночь... Ни выгонка в сам деле.

Не будем ждать.

Ты вот, што, дядя Степан... Канитель не
разводи... Давай об деле говорить.

Широко вздохнул.

Где ж ваш товар?

Вот товар.

Ногой ящики.

Все тут?

Все.

Мы.

Легковато. Упору нет. Перекинет.

Фенька ударила жаркими глазами.

Чего тут рядиться... Дашь ялик, нет ли?

Ты не бойся—ялик вернем.

Я не боюсь... Ково мне в своей хате бояться...

Крякнул мужик. В сердцах щелкнул со стола котенка, пробующего
недоеденную уху. В сердцах сорвал картуз с гвоздя.

Айдате... Мне што ж... Мое дело телячье:
поел и в клев... А токо скажу: зрэй
вы горячку порете.

Степанов сын Андрюшка с красными утек. Меньшака Деника моби-
лизовал. Ни слуху, ни духу; ни пера, ни пуху. Нет и нет.
Будто и не было сыночков родных. Не за что Степану
любить ни тех, ни тех. И крутой мужик, а комитету
подпольного побаивался. Комитетчики — все крючники, да
рыбаки своего курмыша. В случай чо — житья прокляты
не дадут. С чего такое сбязыкалось и не придумаешь?
Держи по волам.

В дверь. В ночь. Крутень вертень. Буря топит море, как девушка
в смоляных потоках кос своих топит любовника.

Рыбак разбивает молодых:

Зря... Буря... Я бы тож...

Мачту крепи!

Ставь по ходу.

Фенька накатывает в лодку камней. Илько треплет по загровку кутенка:

успели подружиться. Ялик мечется на якоре. Цепью гремит.
Ялик мечется из-под ног. Волна бьет, бьет.

К берегу не жмись... Забирай все круче, круче...

У маяка на перевале в бортовую качку не ложись. Боже сохрани... Царапай в лоб, в лоб...

К берегу не жмись — боже сохрани... Вира — по-малу...

Взяли...

Щастливо.

Хо - оп!

Бортом по зубьям гребней. Чамра ¹⁾ в парус торк-торк. Берега утонули.
Огонек утонул. Выкрошился оскал скал. В реве утонуло Степаново.

Держи — держиииииии!..

Ялик раскачивается. Дрожит в беге. Грудью прошибает ночь. Молодой горячей силой топчет кольчатую волну. Море со свистом мечет арканы пенящихся гребней.

Буй сердце вертит. Рука захрясла на руле. За кормой искра стелет. Море бьется — косматая рыба в сетке. Налит парус пылающим ветром. Фенька кожаной чепкой (черпак упустила) отплескивает. Оба на корме. Нос высок. Весела мчаль. Скачут косматые молнии. Через всю ночь молчком. Только о деле.

Камни за борт...

Перехвати фал. Занемела рука.

На перевале брали килевую качку. Волна крыла подветренный борт. Фенька до свету отплескивала без отверту воду. В жарком размете кувыркалось море.

БУ РЯ

РУ

БИЛА

УДАЛЫХ

2.

Коняшки, легкие, как снежная пурга, уносят их. Звонки, журчливы горные тропы. По широким развалам ветер гонит туманы. Разбегаются кусты, прихрамывая. В тучах орлы мельче жуков. Копыто искру секёт. Ухо на взводе. Глаз легче птицы голодной. Глаз хватает, трясет каждый куст. Стороной миновали Уланову будку: последний пост стражи кордонной. Дальше свои земли. Попридержали коней на шаг.

¹⁾ Удары бури.

Проводником зеленец Гришка Тяптя. Парень оторви да брось. Английская шинелишка небрежно накинута в один (левый) рукав. Азиатская папаха на затылке. Плетью сшибает сухие сучки. Соколиным глазком мечет. Слова накалывает редко и нехотя. Разговаривают за него руки, ноги, чмок, фык, сап, марг, плевки.

Бра зна... Уууу... Ццц... Черно... Пух-пух. Та-та-та-та-а... Мммм... Обшад, Гирцеванова... Бам-бам... Зззз... Иииии... Кххх... Талалы лалалыыыы... Ку-гу. В станыцу. Ку-гу. Пакэты везу... Хо! Фюю... Чччч... А, каже,—бандюки?.. Мммм... Як зарикотили, зарикотили... Ээээ, чертяки... Кыш. Фу. Ыыы... Цццц... Шо тамочко було!.. Уууу... Хибаж ты ни зна Хведьку Горобця? У-уууу.

Тройку последних слов о Хведьке взял в такой хомут.

Шплюньку (кулак с выкинутым пальцем) сунул под нос: понимай—
Горобца застопали.

Перед глазами пальцы крест на крест:
За решеткой.

Оскаленные зубы:

Контр-разведка.

Плачущего Хведьку две руки хлещут со щеки на щеку.

И

Пальцем вокруг шеи.

Багровая страшная рожа, высунутый язык:

Горобец повешен...

Чудно Феньке. Раскачивается в седле. На дружков поглядывает. Портянка выбилась из сапога—треплется озорным собачьим ухом. Играет в ветре рыжая, вихрастая Фенькина башка. Рот нараспашку. Смеется широкая, как лопата, рожа, заляпанная солнечными пятнами.

Илько!..

Поотстал Илько. Пересказал такое—

Зеленцами забиты все горы. От Тамани до Грузии. Через Обшад на Каспий. Кругом бои. Кугутики¹⁾—в воду, пузыри кверху. Налет на станицы. Гулянка в городе. Паника. Дым. Ураган. Жизнь на полный ход...

¹⁾ Так дразнят кубанских казаков.

Юркие горские лошаденки ходки. Кремнистые тропы бросают назад коленами. Снулая Будуева гора лениво выматывается из тумана.

Стой!

Мшелый камень по-над горой оскалился дулами. Шмыгнула кубанка. Гришка переливчато засвистал, проехал вперед. Из-за камня трое. Ободренные винтари приняли на ремень. Прыгают белки. Скалятся волчьи зубы.

Гришко, тютюну немає?

Е.

Косятся на Феньку.

С городу?

Ни.

Разгоряченные лошади не стоят.

Чч...

Широкая балка. Тачанки. Костры. Люди. Пулеметы в брезентовых чехлах. В маскированной землянке, начотряда Александр с завхозом в шашечки перекидываются, глушат коньяк. Пока Илько привязывал лошадей, Гришка в землянку ушился.

Честь умею явытца.

Кто приехал?

Та Илько Валет... Мммм... С ним женщина подпольная... Чччч... Ячейку хочет огарнизовать... Щоб як у Москве. А сама в штанах... Уууу... Ффф...

И смачно сплюнул. Не то от восхищения, не то от скуки. Любовно поглядел на рябую бутылку и, вздохнув, уселся на седло у входа. Завхоз подсек сразу четырех. Александр не захотел больше играть. Смахнул хлебные корки. Шашельницу на-двое об острую завхозскую голову.

Жулик ты, захвост!.. Прожженный жулик... Давно тебя повесить собираюсь, да все забываю.

Кхе. Шутить изволите.

Илько. Фенька. Ящики. Рука у нач'а горячая. Плотная рука, как фунтовый карась. Рябоватое лицо подобрано, сухо. Печаль и усталость на лице.

Кыш!

Завхоз и Гришка убрались.

Стол забутыливает нач. (Хотя какой же там стол? Пенек, понятно.) Тяжелым взглядом раскубривает Феньку. Видит ее впервой. В бумажку и не заглянул. Что бумажка? Пахнет в землянке шинельной прелью, земляной мякотью.

Сразу—давай дело мять, топтать:

В городе в тюрьме пол-тыщи товарищей.

Их ждет яма.
Они ждут спасения.
Нужен налет.

Теперь.

Подготовку вел подпольный комитет.
Сгорел (четвертый по счету).
Запевай сначала!

Порешили (без протокола):

Разведку в город.
Наколоть явки.
Приподнять тюрьму всем отрядом.
В ближайшую неделю...
Типографию (привезенную в ящиках) нонче
ночью перебросить в город.

Александр подклинил:

Погибнем под тюремными стенами. Пусть
погибнем, но и там за решетками
нашим бедолагам легче будет уми-
рать.

Не спуская глаз, Фенька смотрит на него и решает: крупный тер-
рорист и боевой оратор. Молодчага парень, и раньше об
нем кое-что слыхала.

У кухни в разлив обеда заспанный писарек вычитал:

ПРИКАЗ

По красно-зеленому партизанскому отряду.

По случаю моего секретного отъезда в неиз-
вестном направлении своим замести-
телем по части строевой назначаю
Григория Тяптю. А комиссаром
вновь прибывшую товарища жен-
щину. Строго приказываю не волно-
ваться, хотя она и женщина. Пункт
2-ой. За недостойное поведение, т.-е.
грабеж и бандитизм, припать по 20
горячих тов. Павлюку и Сусликову
Дениске. Долой!.. Да здравствует!
Подлинное, хотя и без печати, но
вернее верного. Ура!

Обеденная очередь рванула.

Урра - а.

И отобедавшая музыкантская команда облизала ложку, вытерла сальный
рот и с небольшим запозданием тоже уракнула.

В полутемной землянке Савчук — старой службы солдат — роется в куче погон.

Одна полоска четыре звездочки — штабс-капитан... Гладкий, две полоски — полковник... Это ты намотай себе на ус...

Александр рассеянно примеряет погоны. Торопливо строчит...

Какое дело. На неделе слилось у нас происшествие. Из второй роты Жучек разжился где-то сармачком. И в карточки играть, верно, не умел. В одну ночь всю роту раздел, разул. Утром хватились. Нет Жучка. Пропал Жучек. Слышим: в городе. Гуляет. И не духовой ли парнишка? Ну торчал бы где в подпольном укрытии. Нет форснуть надо. Бабу — на коленки, гармонь — в зубы, лихача — за уши. Пошел. Чу: зашел наш мосол. Три дня его пороли. Пороли да посаливали. Сдался собачья отравка. На двести пятнадцатом шомполе сдался. Есть у нас в лягавке свой человек: стукнул. Пришлось тогда связь тасовать, лагерь менять. Канительное дело!

Уписывает Фенька жареную баранину за обе щеки, слушает во все уши.

Ты насчет дисциплинки спрашиваешь? Дисциплина — она што ж. Она на пользу. Дороже правой руки. Известно. На голод-холод — терпеж. В бою стой. Не устоишь — знай свою прекрасную участь. А только, ежели ты хочешь знать по совести: в нашем деле эта самая дисциплина — девятый гвоздь в подметке. Жми! Жги! Вари! И вся недолга. Ты взглядишь тут. Во второй роте черноморцы есть. Одичали в горах. По году, да больше живого человека не видят. Говорить разучились. За разбой решил проучить двоих. Не ложатся под плети. Виновны, говорят, — расстреляй. И фансонны были ребята, а пришлось свалить. Звери. Ухо к уху. Это тебе не казарма. А за Гришкой погляды-

вай: хлюст малый. Давно бы его в земельный совет отправить, да нужный он человек.

В погоны зашифровался и ускакал с Савчуком в город.

3.

Кроет ночь. Лагерь в кострах. На высоких гребнях мерзнут посты. Лют лют норд-ост. Кости леденит. К огням сползаются лохматые, угрюмые. Соломы волокут. Сушатся. Выжаривают исподнее. Кашеваров вздушевают. Ладят на сошки закопченные котелки. Жалуются новой комиссарше.

Эх, товарищ, да—ах, товарищ.

Запаршивели мы хуже собак.

Я в бане с Миколы зимнего не был. Шкура-то уж так зудит, так зудит.

Слушок, будто красны недалече. А?

Ээээх.

Как теперь рассудить? Должен нам совет жалованье солдатско выдать... По году, да по два кусты тут считам, ни откуда ни в зуб толкни...

Сырость... Ремонтизм корежит.

Вьется Фенька в мужиках, как огонь в стружках. От костра к костру провожают ее глаза, ленивые, как сытые вши.

Заводная...

Кусаная...

Илько с Гришкой корешки. Такие-то ли корешки, и не скажешь. Сызмальства. Валяется Гришка на каменной плите перед самым огнем. Из половинки картошки печать режет. От скуки, понятно. На пальцах колечки камушками сверкают. Которы и без камушков. Пыхтит, сопит Гришка, ровно воз везет. Печатью любитесь. Углем натер. На ладонь пришлепнул. Фармазонная печать. Явственная. Бросил ее Гришка в огонь. И заунывно эдак песенку блатную потянул:

Не ходи так поздно по бану ¹⁾

И лягавым ты вслед не гляди.

Ни доверяйся сердцу больному

И шпану ты любить погоди...

У Гришки по груди три банта. Красный, зеленый, черный. Шикозные банты. А Илько смеется. В корешки глаз штопором.

Што это за лименация?

¹⁾ Вокзулька.

Разгладил Гришка банты. Разъяснил.

Красный —

— свет новой жизни, заря революции.

Зеленый —

— по службе за особые заслуги.

Черный —

— травур по капиталу.

И носом покрутил.

Уууу... Ччччч...

В солому зарылся. Захрапел.

Потянуло Илько к большому костру. В его свете моталась рыжая косматая башка.

Пулеметчик Трохим Кулик, первый в отряде пулеметчик, крутит пушистый ус. Разматывает такое:

Шутка ли сказать: на действительной семь годочков отбарабанил, да в плену три. Богато рученьками, ноженьками помахал, богато поту утер. Ворочаюсь до дому. Сидит в хате одна слепая матка—смерти дожидаетца. На дворе ни куренка, ни собаки. Сарай упал. Все криво, косо — не как у людей. Батька красные повесили. Брательник с таманцами отступил. Дядья родные — все Денике служат. Оце, бисова душа, и разберись, кто прав. Махнул я рукой. Помогай, каже, боже и нашим и вашим. Тильки меня не троньте. Не поддался я печали — за работу схватился. Лошаденку огоревал. Потрудился с годик. Опнулся трохи. Хозяйство мало-мало скопировал... А ну, посудите, добрые люди, какое без бабы хозяйство? Удумал я женитца. Как ни крутись, а женитца не миновать. Подвернулась на глаза девка подходящая — Марька. Обкрутились. Веселая моя Марька, чернобровая. Глядеть на нее — сердце ни наладуется. А по дому — лучше старухи... Эхе-хе. Лихое нонче время. Нет счастья человеку.

Живем, как по вострому ножу ходим, — подсказал кто-то.

Зажмурился Трохим, голову свесил. Неторопливо отстегнул от пояса кожаный кисет. Раскурил люльку и ну досказывать:

Приказ — указ. Мобилизация. Оборвалось наше счастье. Воевать итти ни оно. Набралось нас—годков десятка с два. Понадевали по заплечи мешки с хлебом. В лес посунулись. Неделю, другую сидим в лесу, как сычи—свету божьего боимся. Глядь—бегут старики наши с плачем, с воем. Нагрянул каратель с отрядом — князь Трубецкой. Дизиков ловят. Скотину режут. Хаты палят. Над девками, бабами сгнущаются. Устроили мы военный совет. Что делать, как быть. Видим петел много, а конец один — порешить надо гадов. Сказать — пустяк, а доткнись до дела — обожгешься. Народу у нас орда, да у каждого глотка-то в тридцать три диаметра. Обсуждали, обсуждали. Так и бросили. Чево тут обсуждать? Криком возьмем. Пошла, поехала. Чуть зорька—стучимся в станицу.— Как дела?..—Так и так... Князь его сиятельство к молдаванам уехамши, у нас гарнизон оставил. — Ладно. Хорошо. Раскатили мы гарнизону семьдесят душ. По станице плач и стенанье: там ограбили, там истязали. Марьку свою чуть нашел. Забилась в подпечек. Смеется, плачет, а не вылезит. Маню ее, зову.— „Дурочка, Христос с тобой, очкнись!“ Насилу вытащил и не узнал. Осунулась, пожухлела. Голова трясется. В кулаке зажала человечье ухо откушенное. Помяли ее гады. Она на сносях, первым брюхом ходила. Горюй, не горюй, так видно греху быть. Да и стонать-то не время. Слышим—опять каратель идет, в лес надо подаваться. И увяжись за мной Марька. Никак ни хотит дома оставаться. И упрашивал ее, и умали-

вал. — Не останусь, да не останусь. У нас меж собою уговор был — штоб бабой в отряде и не пахло. Чево тут-делать? С версту от станицы умотали, а Марька все бежит около меня, за стремя хватается. Осердился я тут, да и товарищей стыдно. Хлестнул Марьку плетью.

Вернись!

Не вернусь. Любезный ты мой Трохимушка.

Вернись, скаженная!

Смертынька моя... Убей, не вернусь.

Заморозил я сердце. Сдернул карабин с плеча. Трах... И ускакал товарищей догонять... Судите меня, люди добрые. Тридцать два года мне, а вот...

Сдернул шапку Трохим, и еще ниже свесилась его седая, ровно мукой обсыпанная голова.

Суди тебя бог, Трохим.

По обветренным лицам тенью пробежал ветер.

4.

Перезябшие часовые с черных ветровых гор упали

н

а

о

г

н

и,

на костры.

Скрюченные руки — рукав в рукав. На башлыках снег ярусом. На прикладах мокрый снег настыл коркой. Продрогшие, сиплые голоса.

Собаки, што ль!..

Где ж начальники?..

Шутки плохие...

До кишек смерзлись!

Винца бы...

У костра пораздвинулись. Место дали. Из непослушных рук обмотка рвется. Поведенная коробом шинель с гимнастеркой смерзлась. Пляшут зубы. Глотки по-малу оттаяли. Огонь заостряет глаза. Маленькими собачками южат жалобы. Грохают двенадцати-дюймовые матюки. В русском разговоре без крепкого слова складу настоящего нет.

В вачальников...
 В бога, господу...
 В кровину, в утробу мать...
 Полсуток без смены.

Фенька растолкала Гришку.

Давай наряд караула.

Спросонья помычал, поурчал Гришка. Лапой за голенищу. За голенищей у него вся походная канцелярия.

Скорей возись.

Протер Гришка глаза: Фенька. Ххы! Запахнулся в шинель. И обратно спать.

Ни яких каравулов ни треба!

Дай ротные списки.

Кыш.

Списки!

Отчепись, стерво!

Приподнялся Гришка. Из-за пазухи вытянул кисет. Плюнул с присвистом. Взялся ругаться.

Я начальник. А ты пийди собакам сена давай.

Кругом молчали. Кто-то подкинул сырых сучьев. Пахнул дым. Фенька закашлялась. Отвернулась от огня. И спокойно:

Караулы надо выставить. Давай наряд. Чья очередь?

Андрюшка Щерба лупит печеную картошку. Поддюкнул Андрюшка:

Какая тут очередь?.. Послать вон его почетную банду. Нехай промнутя... Завси в землянке спят, да спирт жрут.

Два, три вылуженные простудой голоса поддакнули.

Тут какая мотня? Увивалось вокруг Гришки с десятков своих ребят. Охватоблинники. Почетный конвой. Сыты пьяны. В работы ни ногой. Коняги под ними—поискать надо. Гришка лабудит. За конвойцев готов в лепешку расшибиться. В караул ни в какую.

Комиссарша едко ругнулась. Набрала добровольцев. Ушла с ними в темь, в мерзь. На дорогах, на ветру провалялись всю ночь. По заре сбросились в лагерь, в солому, в сонь.

Не успел Илько согреться под шинелью.

Крик.

Гам.

Бам.

Пыльно.

Вскочил Илько. Буза. Шухор. Тарарам. Гришка Тяптя перед землянкой борзые конвойцы.

Выходи, курва!

Фасон взяла?!

В нос, в рот.
Г э э.

На шум сбегались

Хай.
Май.
За стрижену косу.
Узда рыбий глаз, козырек на бок!
Замерзать, штоль?

Из землянки Фенька. Шинель в накидку. Облизнула землистые губы.
Сухо стрельнула:

Ни дам.

А просили спирту. Погреться. Сумрачно закачались, зашумели, заголотали. Налитая дурной кровью рожа Гришкина придвинулась вплоть:

Говори, ни дашь?
Нет!
Ни дашь?
Нет!
Уууу!

И замерз отчаянный под хлывом глаз, черных и студеных, как лесные озера. Фенька повернулась и, крепким каблуком сбивая мерзлые кочки, не оглядываясь, ушла в землянку. Помитинговали, помитинговали, вырешили: шлепнуть комиссаршу. Гришка, конвойцы, с полдюжины дудаков: не разобрали спросонья-то в чем дело. Всем выпить хотелось. Зеленцы по-малу просыпаются. Почесываются. Крестятся на занимающийся восток. Греют котелки. Илько от костра к костру. Пинает спящих. Хватает за ноги, за руки.

Братаны. Становись! Живенько. Дядьку Гнат.
Тришка, боже ж ты мой! Комиссаршу
расстреливать повели...

Которые побежали. Вразвалку. Илько передом. Наган в рукаве дробит. Под легкой ногой тропа камень отхаркивает. Фенька размашисто бьет шаг. И ухо рассечено.

Стой, куда?
Чо!
На бут!
Брось бухтеть.
Какая твоя нота!
Душка от помойного ведра.
Аль те больше других надо?
Уйди!
Стой!

Заурчали. Залаяли. Подбежал Илькин родный дядька Игнат. Сивый подбежал. Яковенко. Хандус. Другие.

А ну, хлопци, шо туточки робите?

Та...

Ууу...

Илько наган Гришке во вшивый затылок. Коц! Брык! Ваших нет.

Га.

Ва.

Ага-бага-а!

В цепь.

Попрыгали конвойцы в промоину. Илько с товарищами за камни поскакали. И затворами чолк-чолк! Быть бы перепалке. Не миновать бы перепалки. Старики помешали. Стоят посередке. Растопырились.

Ат, бисово отродье.

Чур, дурни!

Пособачились, пособачились. В лагерь пошли вместиах.

Сука, и променял ты на бабу товарища?!

А она, Фенька, разя ни товарищ?

Снежный ветер кувырывается в угорьях. Качаются вершины широкоплечих гор. Снежной метелью умывается утро.

Припылил Александр. Ахнул. Плюнул. Разругнул. Шестерых отсунул в город. С тюрьмой дело по ходу—и в городе люди нужны. Попрощался Илько с дядьком. По тропе бросился Феньку догонять.

5.

На скале. Над морем. В ветре. По ночи:

Костер в дыме, похожий на сиреневый куст.

Кисти спелых звезд.

Илько с Фенькой.

На шинелке. В узел схлест. Ласковая сила сердце рвет. Вспомнила Фенька Трохима! Сердце заморозил. Как просто, Тихо смеется Фенька.

А ты подломил бы меня... Как наш пулеметчик свою Марьку?..

Илько тряхнул разудалой башкой

Да.

Черное пламя пляшет в глазах Илько.

Черногрудый ветер сорвал, унес костер. Сны бурны и грозовы. Булькают крики ночных птиц. В жарком разбеге запыхалось море.

Утро градом горячих стрел. Вьются мелкие тропы. Гудит земля зверем залита. Гудят пятки Илько. Фенька легко поспекает за ним. Ноги ее сухи горячи, как ноги скакунов, от бега задыхающихся на ходу. И глаза ее веселее солнечных лесных полян.

6.

Город в лихорадке. День - ночь лавина чемоданов, сундуков, людей ползет в порт. С вокзала, с города в порт. Стонут мостовые под кованым шагом ломовиков.

Пошел—поше-е-ооол...

К пристаням жмутся английские, французские корабли. Выталкивают ящики шотландских консервов, тюки обмундировки, ящики снарядов с надписью:

Бей, не жалея, еще доставим.—

Забивают трюм, каюты. Палубы оседлывают чемоданы, розовые туши, лакированный пшик. Рев, визг, стон. И убегают в море чернокудрые кораблики.

На базаре по телеграфным столбам развешены оборванцы, проволокой за шею. Унылые руки. Толстый язык. Баста.

Вечерами пылающие кафе гноятся беззубым смехом. Улыбаются конфетные румыны. Рыдают скрипки. Сильва. Кармен. Тройка, которая по Волге матушке. Мишели. Жоржи. Дианы. Анжелики. Глаза лысые, как перламутровые пуговицы. И ноздри широкие пляшущие. Такие у загнанных храпящих коней. Спасательный порошок на кончике ножа.

А - ах

По ночам город, закованный в золотые цепи огней, вздрагивает под ударами ледяного норд-оста. По ночам на косе ружейная канитель: зарабатывает хлеб и славу контр-разведка. По заре гудит далекая канонада: по-за Кубанью стучатся красные.

Подполье. Норы. Товарищи. Удачи. Провалы. Гремучим сверкающим колесом. Прожилки часов искрой переливаются. Горячка дел. Комитет—стоглаз, столап.

В городе мобилизация.

Пару своих ребят на приемочный. Сагитировать. Нарахать. Увести в горы.

В тушике вагон патронов.

Разгрузить. Перебросить в свой отряд.

Нужны денежки:

Собрать копейки у грузчиков и цементников. Налет на квартиру полковника: за границу собирается. Золото. Верное дело. Крой!

Волненья в артдивизионе.

Связаться. Организовать. Ночью офицеров к ногтю. Дивизион в горы.

Убрать Черныша. Черныш нач. охраны. Подвешивание за ребра. Селедка. Шомпола. Иголки. Резиновые палки. Сорванные ногти.

Из тюрьмы стон:

Уберите Черныша.

От рай-ячеек вой:

Смотайте гада.

За короткое время он перебил и перевешал три состава подпольного комитета. Не раз в него стреляли. Бросили бомбу. И все в пустую. Сегодня агентурные сведения: Черныш в штабе на заседании. Выйдет к трем. В пазухе города. Все равно кокнуть. В комнате случайно шестеро. Жребий бросили чечевицей. Илько. Расплескивая по груди хватил два стакана неразбавленного. Обветренное цыганское лицо потемнело: кровь взволновалась. Всем подержался за руки.

Товарищи... Фенька, дай закурить.

Поймал в портсигаре папирску. Прикуривает у Феньки, а затылок горит. В дверь кинулся. И вспомнил: эдак же горел затылок, когда его Ильку в Балабановскую рощу расстреливать вели.

Серебряковская. Автомобилий фырк. Крошево лиц. Звянь шпор. Илько через дорогу. С корзинкой на голове.

Лепошки! Горячи лепошки!

Вот папаха встреча. Усы. Светлая шинель. Ордена во всю грудь. Он. Вот! Трах-тах-тах-тах-тах! В упор обойму. Смеется Черныш, и рук из кармана не вынул. От испугу и бежать Илько не может. Шпики, казаки из дворов. Остры сабельки посекали на парне стеганую солдатскую куцавейку.

За день сверх программы.

В бухте пароход со снарядами сожгли.

На базаре средь бела дня шпика в сортире утопили.

В горы сунули целый обоз мяса.

Из тюрьмы опять письмо.

Спасите, помогите!

Сердце в груди ворочается. А руки не достают. Не фокус ведь. Бегала, бегала Фенька—язык высунула. Связь с надзирателями. Телефоны. Сигнализация. Ключи. Охрана. Сговор с Александром. Делов выше головы. А тут ба-бах—завалилась Фенька. Весь комитет завалился.

7.

Порубленного, избитого Илько за руки, за ноги тащат по тюремному коридору. Голова бьется об ступеньки, метет пол. Ржаво твякнул замок. Пахнуло кислой вонью, холодным камнем. Сразмаху шукой в угол. От ревушей боли и холоду очнулся. С великим трудом поднялся на ноги. Ни сесть, ни лечь. На спине посеченная в ленты рубашка скипелась. Зализал в деснах осколки зубов. От слабости прислонился к стенке. И навзрыд.

После первого допроса заправили Илько в камеру смертников. Край. Гиль. На приятелей напал. На Петьку Колдуна, на товарища Сергея. Здорово-здорово. Хомут. Какое! Так и так. Ось в колесе. Кругом пять в пять. Дело за ухвертками ¹⁾. Ожидаем. Отлегло. Отвалила смертная тошнота от сердца. Повеселел Илько.

Ленивее волов выматываются круторогие мутные дни. Гулкие ночи выползают торопливо, оставляя за собой крики, вой, шелуху шороха. Камера сутула, стара. Ни нар, ни стола. Стены. По щиколки вода. Здоровые стоят по многу дней. Слабые сидят и лежат в воде. Каждую ночь выдергивают смертников.

Собирайсь!

Какие сборы? Табачек, спички оставят. Зачем добру пропадать? Потухающим глазом, цапаясь за голые стены, уходят покорные.

Беленькие и чуют недоброе, да кончика не найти. Черныш наружную охрану вздвоил. В тюрьме сам деловых трясет. Кончика ищет. На допрос на ногах, с допроса на карачках. Как, да што, да какие твои мнения? Здорово живешь! Сукин сын. Цоп! Бяк! Брык! Ах-ах!

С допросу прочухался Илько в чужой камере. Высокое окно. Дикий камень прет. Глухо. Колодец. На койке из-под груды тряпья рыжий затылок.

Фенька, Фенька!

Стонать перестала. Приподнялась. Прыгнула. Упала на Илько. Закрыла его собой. Клушка.

Ты... Ну вот... Больно...

Давно сгорела?

Ерунда. Ты откуда? С заводиловки?

Ну как?

Без звука.

¹⁾ Ключи.

Знаешь. Нынче ночью!

Да-да. Тсс.

Шесть.

Только сейчас заметил. За ухом потемнели рыжие волосы, спеклись в лепешку. И щека чем-то проткнута.

Стукнул засов. Ленивая дверь ржаво зевнула. Кровяной глаз фонарев уткнулся в двоих. Фенька перешла на койку. Солдаты. Скотинка серая и расплывчатая. Стучат прикладами... Переступают с ноги на ногу. Деликатно покашливают в кулак. Офицер такой красивый.

Встать!

Двое подняли Илько. Встряхнули. Приставили к стенке.

Вялый офицер носовым платком чистит рукав. Говорит устало. Козни зеленцов. Налет на тюрьму. Состав комитета. Чепуха. Вздор. Все известно. Напрасные мечты. Меры приняты. В корне. И даже про них он все знает. Конечно, молодость, любовь. Но это уже он говорит не по службе: от чистого сердца. Требует пустяков: пару-другую адресов, кой-кого назвать. И все.

Молчь. Бьется луна в оконном переплете. Офицер простуженно кашляет. Старательно сморкается. За неподчинение законностям грозит спустить на Феньку взвод солдат.

Илько молчит.

Ну?

Илько отхаркивает сукровицу. Молча перебирает разбитыми губами. Фенька глухо, ровно издалека:

Ни смей!

Офицера прорвало. Завертелся.

Вот как? Сволочь! Скотина!

Стены повалились на Илько. Ведро ледяной воды ему на голову.

Опять подняли. Прислонили к стенке.

Я тебе вытяну язык. Скот!

Илько шагнул вперед. В грудь толкнул рыжий голос:

Молчи.

Офицер, как на шарнире, повернулся к солдатам.

Сыромятников, начинай.

Сыромятников торопливо крестится. Лезет на Феньку. Илько зажмурился. Защекотало в носу. Сподымя бьет дрожь. Белеют Фенькины ноги, теплые, как весенние березки. Тошнехонько. Мутно. Партизанская кровь митингует в Илько. Закружилось, завертелось все в глазах.

Стой. Ваше благородие. Стойте!

Не смей!

Офицер тут:

Ну?

Ваше я-я...

Молчи...

Не соберет Илько мыслей, как пьяные вожжи. Шатается Илько. Видит вдруг: обняла Фенька стражника Сыромятникова за шею. Крепко - на - крепко. А другой рукой за зеленый шнур, за кобур, за наган, — и

Ба-х!..

Первую пулю в него, в Илько.

.....
По гулкому коридору топот, шорох голосов.

Братва, выходи!

Живо два.

Хвост в зубы, пятки за уши.

.....
Толпа арестантов бесшумно царапается на гору. Цепь зеленцов прикрывает отход. Радостный и размашистый Александр спрашивает об Илько. Куда подевался? Не видно парня. Фенька скидывает сползавший с плеча карабин.

И:

Загнулся наш Илько. Сердце у него подтаяло.